

В. И. Журавская,
*заведующая отделом обслуживания
Центральной городской библиотеки
им. П.Л. Проскурина (г. Брянск)*

Тема войны в произведениях П. Л. Проскурина

Тема Великой Отечественной войны до сих пор волнует как писателей, так и читателей. К сожалению, постепенно уходят из жизни авторы, которые знали о войне не понаслышке, но они оставили для нас в талантливых произведениях свое проникновенное видение событий, сумев передать атмосферу горьких, ужасных и вместе с тем торжественных и героических лет.

Война и человек – тема неисчерпаемая, всегда живая, тревожная, волнующая. Через какое-то время, о ней стали писать и литераторы, чье детство прошло в суровые военные годы. По возрастной причине они не участвовали в действующей армии, но горечь первых отступлений, страдания под гнетом оккупации, блокадный голод, шелест похоронок в руках матерей – все это было суровой начальной школой детей военного времени.

Петр Проскурин принадлежит к поколению россиян, чье детство опалила война. В свои 13 лет он увидел, как вместе с фашистами смерть пришла на родную Брянщину, познал весь ужас оккупации и понял, какой горькой ценой заплатил русский народ за победу над фашизмом. Виселицы на центральной площади в Севске, расстрелянные гитлеровцами пленные, оставленные на обочине дороги, издевательства пьяных власовцев над мирными жителями – это и многое другое рождало в сердце мальчика все нарастающую ненависть.

Опаленная войной память детства стала его нравственной памятью, и это, в свою очередь, сроднило будущего писателя с теми, для кого непосредственный фронтовой опыт стал их совестью, их творчеством, всей их жизнью.

Петр Лукич вспоминал: **«Я тянул сани с маленьким братишкой. Шли мы через луг, который был почти весь покрыт талой водой. У немцев начали бить тяжелые шестиствольные минометы. Летит мина, и такое ощущение, что сейчас именно в тебя попадет. Всё внутри сжигала какая-то опустошающая жажда. Я стал пить из воронки. И вижу – лежит прямо передо мной оторванная рука. Я её губами чуть не касаюсь. Хоть луна стояла, но сразу-то я ничего не заметил. И, глядя на эту оторванную руку, я что-то понял о жизни и смерти такое, что ношу в себе до сих пор, а высказать не могу, не умею: я как бы сам почувствовал, пережил смерть... А подобное этому было много раз, и отсюда, пожалуй, ощущение войны и самого главного в ней – её античеловеческой сущности».**

Воспоминания из детства послужили толчком для написания произведений о

войне. Рассказы Петра Лукича Проскурина о войне, о человеке на войне, о том, как тяжело отозвались на человеческих судьбах последствия войны, привлекают суровой правдой.

«Снова дома»

Потрясает своей достоверностью рассказ «Снова дома», героев которого – бабушку и внука – мы застаем поначалу на дороге, ведущей в родную деревню Воробьевку. «Фронт, – поясняет рассказчик, – опять покотился на запад, и в опустошенную зону, где стояла шесть месяцев немецкая оборона, стали возвращаться на привычные места жители. Выходили из болот и лесов, шли из эвакуации вслед за своими, торопясь и надеясь на встречу с родными и близкими, отгоняя потаенные мысли о разных несчастьях и смертях. Самое главное - немца стронули, немец ударился в бег!»

Полные тревожных дум о пропавших в военной круговерти родных, идут бабушка Палага и ее внук Захар Мотовилин навстречу неизвестному. «Бабушка Палага, широко переставляя усталые, мокрые ноги, не отставала от своего внука, 14-летнего худого Захара с лохматым затылком, и на ходу все думала: может, им еще повезет, и Авдотья, ее дочь, с младшим внуком Голиком отыщутся; всякие чудеса в жизни бывают, господь не без милости, думала бабушка Палага, поднимая босыми ногами с черными, потрескавшимися пятками тяжелую пыль с дороги.

Бабушка Палага несла всякую всячину, связанную полотенцем и перекинутую через плечо. Впереди висела плетеная корзина с крышкой, где сидела белая курица, – бабушка сумела ее сохранить на семя; сзади покачивался тяжелый узел с разным барахлом: четыре миски - три глиняных и одна жестяная, мешочек фунтов на десять пшена, немного сольцы, рваные Захаркины штаны и рубахи (надо будет их заштопать да залатать) да еще разная рухлядь, которая мало уже на что пригодна, а все жалко бросить...»

В цитируемом рассказе – подлинные приметы жизни и быта людей той военной поры, только что вызволенных из-под немцев. Несомненны и автобиографические черты в юном герое повествования. В самом деле, «Снова дома» – это еще одна правдивая страничка в жизни Петра Проскурина-подростка и его сверстников, где радость долгожданного освобождения накрепко переплавилась с горечью настоящего: «хаты в деревне не осталось ни одной...». И все же особая значительность рассказа, в котором писатель достигает большой художественной выразительности, выявляется как раз в тех эпизодах с умирающим немцем, на которого случайно наткнулся Захар и где обнаженно и психологически достоверно раскрывается внутренний мир, душевное состояние подростка, обостренное ощущение им чужого страдания.

На следующий день после прихода в родную деревню, Захар по совету

дальновидной бабки Палаги отправляется в ближний лес в поисках немецких «кованых» сапог, чтобы не остаться на зиму разутым. Пошел - и, уже под вечер, возвращаясь из лесу с законной добычей, повстречал немца, который неподвижно лежал в кустарнике.

Читая о том, как 14-летний Захар Мотовилин, у которого война украла детство, стремится облегчить последние часы умирающего врага, мы вместе с незнакомым старшиной, внявшим просьбе Захара и вместе с ним пришедшим к умирающему, понимаем, что **«дело-то не в немце, а вот в этом парнишке, и ни к чему переключивать на его душу еще одну тяжесть, видать, невесело ему пришлось и без того»**. Глубоко символичен в конце рассказа последний, прощальный взгляд старшины, брошенный им на одиноко стоящего Захара, и его печально-тревожное раздумье, **«что так вот и растет человек и однажды встречается лицом к лицу с неожиданной горечью жизни, и она оставляет в его душе первую глубокую зарубку»**. Эти глубокие душевные зарубки, как раз и объединяют в прокуринских рассказах людское множество при всем различии их характеров и судеб.

«Мост»

В рассказе **«Мост»** писатель изображает ситуацию изменчивого «быта» войны, таящую в себе сокровенный философский смысл. Шесть разведчиков-минеров, выполняя задание, взорвав мост в тылу врага, не ушли от преследователей. Они окружены и должны принять последний бой. Бойцы эти очень различны - гуляка и озорник Базалеев, степенный председатель колхоза Филипп Иванович, юный мечтатель Миша... Причем, последний, все еще доискивается смысла и духовного значения подвига для каждого из людей, окружающих его. Понимают ли вообще они великий смысл их дела, борьбы с фашизмом?

«Знал их Миша, да, видно, плохо знал. Лейтенанта недолюбливал – казался придирой и сухарем. Над медлительным старшиной часто про себя подшучивал: примитивным казался, тугодумом, неспособным тонко чувствовать. И остальные. А сердцевина-то в них вон как глубоко упрятана и открывается не сразу, не вдруг, в какой-то одной будничной фразе, жесте, интонации».

Перед лицом спокойного приготовления к последнему бою, уловив на себе пристальный, проверяющий взгляд Филиппа Ивановича, Миша застыдился многих своих чересчур красивых, но «словно ледяных» слов о подвиге, героизме. Все они не к месту, все смыслом мельче дел. «Мысль изреченная» каждый раз оборачивалась ложью. Слово не выдерживало испытания делом. Позади остается взорванный железнодорожный мост, впереди их ждет смерть, о которой они еще не знают и навстречу которой идут. Да, все они, в конце концов, погибают,

достойно уходят из жизни, и плачет старый лесник, прибирая останки героев, а вокруг продолжает жить родная земля, во имя которой они погибли.

В известной мере рассказы Петра Проскурина о войне – соната мужества и муки, апофеоз верности долгу и суровой свободы подвига.

«Любовь человеческая»

По дорогам войны, в рассказе **«Любовь человеческая»**, идет с полковым знаменем осиротевший Колька, потерявший отца, и вся его маленькая фигура полна непередаваемого отчаяния, но в нём уже сильно и чувство недетской ответственности за дело, которому отдал жизнь отец... В рассказе писатель показал драматическую ситуацию, в которой все заглушает всепобеждающее чувство сыновней любви к Родине.

«Глубокие раны»

Первые бомбардировки городка, кошмар смертей, остановившиеся глаза мертвых людей, устремленные в небо, гибель на пороге родного дома – если бы в сражении! – все это раскрыто в **«Глубоких ранах»** как очередной этап духовного становления молодых героев. Через город движутся советские, отходящие на восток воинские части. После томительного промежутка опустевшие дороги, улицы города затопляет гул фашистских танков, грузовиков. Потоки машин со снарядами, весело гогочущими солдатами в рогатых касках, штабных легковушек. За стеклами их угадывались фигуры в генеральских мундирах, в фуражках с высокой тульей, лица, окаменевшие в презрении к покоряемой стране.

Шли грузовики немецкого, французского и чешского производства, солдаты сидели аккуратными рядами – два ряда спинами друг к другу, два ряда – снова спинами друг к другу. Отрывисто, как всякая серийно изготовленная продукция, звучали куплеты пропагандистских песен, заботливо вложенные в хорошо отделанные головы соответствующим гитлеровским ведомством.

Петр Проскурин подчеркивает, что орловская, брянская земли издавна были порубежными, пограничными для остальной русской земли. Но такого страшного нашествия даже они не знали сотни лет! Автор постоянно обращает внимание на то, что страна, как океан в бурю, меняла свое лицо, но, сколько оттенков имели эти перемены!

«Могучей рекой в половодье жизнь вышла из своих обычных берегов. Закружились страшные водовороты, втягивая в пучину войны с каждой новой минутой десятки, сотни и тысячи новых людей. В этой суровой обстановке люди вели себя по-разному: одни легко, как сухой мусор, неслись по течению; другие долго, как камни, не хотели сдвинуться с места; третьи – подавляющее большинство - объединились в одно монолитное тело с одной целью – победить и выжить!»

Эпизоды партизанской страды, налаживание борьбы в подполье, сложная судьба матери Виктора Кирилина, согласившейся помогать подпольщикам, находясь рядом с мужем-бургомистром, – все это могло бы остаться на уровне хроники еще одного подполья. Но Петр Проскурин художник большой цельности, во всех событиях его интересует не занимательно-приключенческая сторона, не внешний драматизм боевых операций. Основная проблема, которая находится в центре внимания писателя и которая остается ведущей и в его последующих романах, – это проверка душевных качеств людей, оказавшихся в критической ситуации. Война – это «испытательный стенд» для людских характеров. Война – это стихия смерти. Смерть как нечто таившееся в механизме жизни, воображаемое, тот же Виктор Кирилин представлял и раньше. Но вот он разбирает обломки дома, помогает беженцам, ищет в физических действиях спасения от одолевающих его непосильных впечатлений, от ужаса. Ему еще хочется думать о смерти по-старому, отвлеченно и беспечно. Однако... **«Кошмар увиденного стоял перед глазами, и Виктор понял быстрее. Впервые физически ощутимо война связалась для него с бесцельным, непонятным и жестоким убийством трехлетнего ребенка. Он был потрясен и напуган».** Сюжет в «Глубоких ранах» опирается на новые психологические реальности и прежде всего на ту внутреннюю свободу, с которой юные подпольщики вступили в смертельную схватку. Конечно, играют роль и юношеский азарт, жажда риска, и приказ. **«Не годы сделали нас взрослыми. Война научила нас мыслить. За короткое время она открыла нам то, что другой не узнает и за всю свою жизнь»** – это слова юного подпольщика Андрея Веселова.

Ночь оккупации... Город, где жили юные герои, село Зеленые Ключи очень скоро стал походить на корабль, идущий через океан страданий с потушенными огнями. Тьма обессиливает, угнетает сознание, фашизм и ее делает средством подавления, обезличивания людей. Где взять силы, чтобы нравственно уцелеть, не дрогнуть? Виктор Кирилин однажды, прощаясь с Надей у ее дома, уже думал об этом: **«Ночь, черная, как деготь, без единой звездочки на небе, была густо насыщена нависшей тревогой, она сближала и роднила их без слов. Обоим казалось, что за эти короткие минуты, проведенные на скамейке, они стали старше своих 17 лет. Они вдруг поняли и почувствовали то, что лишь полчаса назад было им недоступно: всю бездонную глубину нависшей над ними опасности. И пусть незрело пока, по-юношески, но они думали о ней и намечали свои пути на дальнейшее».**

В условиях оккупации первый этап возмужания еще не дела, не рискованные операции... Их, этих дел, кстати говоря, и не так много в романе – нападение на охрану лагеря военнопленных и освобождение их, доставка сведений через связных партизанам, расклейка листовок. Во всем этом активное участие приняла

и Надя, сыгравшая мучительную для нее роль разбитной, «доступной» – для ухаживаний даже начальника лагеря Штольца – девицы.

Но в самом начале было вот это обещание – помнить друг друга прежними, не дать фактам всевластия врага подавить себя.

Молодость вообще подавляется фактами, для нее реальнее всего видимое, осязаемое – тысячи машин врага, весело гогочущая солдатня. Это убедительнее воображаемого, во всяком случае, острее его. Соединить представление о могуществе нашей страны, о конечной победе и реальность оккупации, картины ухода армии, обилие пленных, слухи о падении Москвы крайне трудно. И когда это все происходит, враг теряет одно из сильнейших средств своей власти: всеобщую связанность людей страхом, безволием. Уже организованная эвакуация, отход без признаков хаоса поразили врага, стали уроком духовной победы русских людей над унижающими обстоятельствами. «Стихали разрывы бомб, оседала пыль, и движение возобновлялось. Торопливое, на первый взгляд беспорядочное, почти хаотическое. Но в нем чувствовалась какая-то сила, чья-то непреклонная воля. Во всеобщем отступлении, переходящем порой в паническое бегство, чувствовалось великое упорство народа, его нежелание покориться. Чувствовал это и враг. Ему нужна была мертвая, недвижимая покорность. Уходят – значит, о чем-то думают, на что-то надеются, что-то замышляют».

Сюжет романа «Глубокие раны» связывает в общий узел человеческие поступки и судьбы – и тех, для кого война явилась испытанием на зрелость и мужество, жестокой проверкой истинной физической и духовной крепости, и людей старшего поколения, жизненная закалка и воля которых не дают в них места чувству растерянности перед врагом.

«Цена хлеба»

«Что хлебом соришь? Навоз это тебе что ль?» – сказал Меркулов. «Велика ценность – хлеба кусок», – бездумно отозвался Громов. «Просто хочу рассказать тебе, щенок, про кусок хлеба. Вот такой, как у тебя в руках. Может трешки больше...»

«Цена хлеба» – рассказ, в котором цена куса хлеба измеряется человеческой жизнью. В героическом поступке Генки Петрова, друга и однокашника пожилого моториста Меркулова, которые в то огненное время вместе мыкали фашистскую неволю, а потом бежали из плена в страшной ожесточенной уверенности: «на востоке – Россия», отчетливо виден высокий нравственный рубеж, к которому Петр Проскурин стремительно ведет своих героев, проверяя их жизнестойкость и человеческую значимость.

«Исход»

Действие романа Петра Проскурина разворачивается в годы войны на

оккупированной гитлеровцами территории Советского Союза. В центре произведения отряд капитана Трофимова. Вырвавшись осенью 1941 года с группой бойцов из окружения, Трофимов вместе с секретарем райкома Глушовым создает крупное партизанское соединение. Общая опасность, ненависть к врагу собрали в глухом лесу людей сугубо штатских – и учителя Владимира Скворцова, чудом ушедшего от расстрела, и крестьянку Павлу Лопухову, потерявшую в сожженной фашистами деревне трехлетнего сына Васятку, и дочь Глушова Веру, воспитанную без матери, девушку своенравную и романтическую.

Партизанский отряд собирался постепенно. И те, кто приходил, должны были перед всеми, как на исповеди, рассказать о себе всё. У каждого свои горести, печали, свои дороги и пути. Но всё личное, затаённое, мелкое отступало перед общей бедой: страна в опасности, и, чтобы её спасти от немецких захватчиков, нужны были: отважное сердце, бескорыстное мужество и воля к победе. В романе герои предстают перед нами, мужественными, смелыми, готовыми исполнить долг перед отечеством. Они покоряют своим духом и нравственной силой. Но всё это не сразу раскрывает автор. Человек у него в романе сложен, многогранен, противоречив.

Писатель стремится высказать правду о душе человека, уловить то тайное, скрытое, что происходит в недрах человеческого сердца.

В книгах Проскурина почти нет боёв, стычек, диверсий. Весь интерес автора сосредоточен на психологической и философской сторонах войны. Писатель стремится предельно раскрыть душу человека, показать движения, возникающие во взаимоотношениях между людьми. Те, кто писал книги о войне по своим личным переживаниям, больше внимания уделяли батальным сценам, прямым стычкам с фашистами, больше показывали героика войны. У Проскурина же, создан мир, который чаще всего оставался неизвестным, – мир душевных страстей, глубоких нравственных раздумий и жестоких ошибок, мир человеческой души.

В результате стечения ряда обстоятельств командиром партизанского отряда стал Трофимов. От его воли, ума, смётки зависит выполнение заданий с Большой земли, жизнь людей. Это он посылает в бой партизан, зная, что для кого-то из них бой означает верную гибель. Трудно, ох как трудно Трофимову. Особенно на первых порах. Людей не скоро узнаешь. Каждый со своими привычками, представлениями о жизни, о долге. Но идёт выявление истинных ценностей человеческого духа, всё наносное отступает, остаётся сердцевина, время не терпит половинчатости, борьба диктует условия: или – или. Да, Трофимов – обыкновенный человек, и в то же время в нём ощутимо проступает то главное, что навсегда связывается в нашем представлении с образом вожака, бойца и патриота своей земли, – общая значимость победы.

Мир войны жесток и страшен. Каждое мгновение человек подвергается

смертельному риску. Внешне Трофимов всегда спокоен, сдержан, расчётлив. Ничто не выдаёт бури раздирающих его эмоций, а он страдает от бремени власти, которая почти непосильна для его характера. Он понимает, что на войне люди всегда погибают, но душа его не может никак с этим смириться, не может к этому привыкнуть, как настоящий врач никогда не привыкает к страданиям своих пациентов и постоянно переживает потери и утраты.

И ещё одно чувство движет героями книги – любовь. И здесь, на войне, любовь торжествует над всем – над ужасами, страхами, смертью. Любовь всемогуща, она не терпит условностей, преград, которые воздвигает на её пути время. Она торжествует и когда идёт неумолимая война. Но мы видим, как сдерживают свои чувства люди, ставя превыше всего чувство долга: Шура боится быть счастливой, Вере неловко быть любимой. Не могут они быть счастливыми, когда война сеет кругом ужас и смерть. И война действительно беспощадна к влюблённым: Скворцов и Рогов, их любимые, погибают.

У Проскурина человек всегда личность с резко выраженной индивидуальностью, волевой, остро чувствующий жизнь. Каждый человек – это огромный мир, наполненный неповторимыми качествами. Но здесь, на войне, человеческое «я» мало и незначительно с точки зрения происходящего: **«Война есть война, здесь не место личным эмоциям. Война – это беспощадное подавление и своего «я», и тысяч, миллионов других «я», война — это вынужденная железная необходимость делать то, чего не хочется, и что в основном противоестественно человеку и его природе».** Эти слова принадлежат комиссару отряда Глушову.

Достаточно подробно Петр Проскурин показывает и немцев. Образ Зольдинга – в какой-то мере художественное открытие писателя. Это твёрдый, бесстрашный воин. Он слепо подчиняется приказам командования: сжигает деревню, уничтожает людей, хотя втайне осуждает свои действия. Присутствуя при расстреле мирных жителей, он, привыкший к чёткости и ясности, не понимает смысла этой абсурдной акции: ведь люди могли бы работать, приносить пользу рейху. Он проявляет милость, отпуская Павлу на все четыре стороны, не зная, что именно она будет охотиться за ним с топором в руках. Многие не знал полковник Зольдинг, не мог совместить многое, происходящее на Русской земле, с тем, что ему казалось разумным и закономерным. Он не мог поверить, что всего одна женщина может вселить страх в гарнизонные войска Ржанска. Даже тогда, когда Павла побывала у него на квартире, он отказывается в это поверить: настолько всё это несовместимо с его жизненными представлениями. Он не любил неожиданностей. Всё в его мире определено жёсткими рамками инструкций. А в русском городе всё идёт не так. Сначала, например, он доволен, что возобновились службы в русских церквях. Пока это была его единственная удача в большой

политике. Но когда он побывал на церковной службе, чужим и непонятным пахнуло на него. Всё было не так: **«Он перевёл глаза на настенные росписи и сразу уловил непривычное взгляду непокорство тел, что-то более одержимое и фантастическое, чем он привык видеть в костёлах»**. Ему не понять непокорство русского человека. Когда Зольдингу удалось разгромить отряд Трофимова, он ощутил, как ранее чужой и враждебный город становится для него привычным и своим. Он навёл здесь относительный порядок. Однако, ни логика, ни хладнокровие, ни здравый смысл не помогли Зольдингу, когда он сталкивался с русскими, всё опрокидывалось в его стройной жизненной философии, всё пришлось пересматривать, передумывать, заново осмысливать: **«Он верил в силу и превосходство Германии и только теперь начинал понимать, как слепа и ненадёжна была эта вера, и он ненавидел теперь русских за то, что они опрокинули его, Зольдинга, веру и заставили его страдать. Он глубоко продумал план разгрома партизанских соединений Трофимова, учёл все случайности»**.

Зольдинг два года пытался уничтожить Трофимова, ибо в нём для Зольдинга начинает олицетворяться Россия, непокорный дух чужого народа, собственные неудачи, неудачи Германии. Трофимов вырастает для Зольдинга в роковое «нечто», в «противника номер один». Но Зольдинг не желает, да и не в силах понять, что борется не с одним человеком, а вступает в непосильную борьбу с духом народа, который создал самого Трофимова как героя, необходимого родине в тяжкий час. Он не может понять, что, не будь Трофимова, был бы другой, третий, десятый – так до бесконечности, – и в этом непонимании уже таится зародыш гибели Зольдинга. Здесь борьба не только личностей, но и философий, взаимно исключаящих друг друга социальных миров. Вот это и привело в итоге Зольдинга к бесславному концу. Победа в поединке с Зольдингом на стороне Трофимова, несущего в себе нравственную мощь русского народа.

Писатель внимательно прослеживает духовное развитие, становление каждого героя, создает колоритный портрет сражающегося народа. Походы, временные неудачи, ожесточенные бои, диверсии, подвиг Владимира Скворцова, который вместе с другим партизаном, Веретенниковым, намеренно попадают в плен и начинают вести смертельную игру, чтобы дать неверные сведения о подходах к партизанской базе и завести в засаду карательные отряды фашистов. Немцы жестоко пытаются их, но партизаны держатся мужественно, чтобы враги решили, что сведения вырваны у них под пытками. Скворцов побеждает Зольдинга, наконец поверившего, что разведчики попались случайно. Зольдинг не мог представить, что человек способен вести столь опасную, смертельную игру. И хотя, в конце концов, он убивает Скворцова, победа все-таки остается за духовно и физически стойким советским разведчиком. Все это этапы сложной и непрерывной

борьбы.

Роман Петра Проскурина «Исход» повествует о духовном богатстве героической эпохи, о бессмертном подвиге во имя Родины. Во имя будущего.

«Судьба»

Широко известная трилогия Петра Лукича Проскурина, в которую вошли романы «Судьба», «Имя твое», «Отречение», охватывает почти весь советский период русской истории. Роман «Судьба» – первая часть трилогии П.Л. Проскурина. Основное внимание писатель уделяет изображению судьбы Захара Дерюгина, центрального персонажа произведения, буденовского бойца, председателя колхоза в пору коллективизации, солдата, шесть раз бежавшего из фашистского плена, узника концлагеря, наконец, высланного в Хибратский леспромхоз на Каму. Война с особой силой заставила героев Петра Проскурина взглянуть на мир и на самих себя. Автор «Судьбы» дает достоверные картины партизанского движения, показывает личное мужество и личные трагедии, как бы вплавленные в общее мужество и общую горе. Не случайно роман назван «Судьба». Понятие «судьба» станет ключевым в жизни героев.

Действие романа происходит в 30-40-е годы. Небольшой, казалось бы, в количественном отношении отрезок времени благодаря показу драматических этапов нашей истории и, параллельно и в связи с ними, – судеб многих людей, приобретает эпическое значение. Период коллективизации, начало войны, отступление, эвакуация, подпольная работа, партизанское движение, – все это до предела насыщает временной блок произведения.

Столь же обширно пространство проскуринского романа: из деревни Гусищи, средней полосы России, мы попадаем в районный центр Зежск, затем – на строящийся близ этих мест моторный завод, потом в Москву и Смоленск. Временной и пространственный планы объединяются названием романа: судьбы многих людей, таким образом, включены в художественную систему пространства – времени.

Внутреннее единство «Судьбы» Петра Проскурина создается многими художественными средствами. В их ряду важное место занимает композиция характеров. Захар Дерюгин, Тихон Брюханов, секретарь обкома Петров – эти образы несомненные творческие удачи писателя. Покоряют и женские образы – Ефросиньи, жены Захара Дерюгина, и матери его – бабки Авдотьи. Множество психологически точных и правдивых эпизодов связано с ними. Всё в них просто, естественно и глубоко. Превосходны и образы детей Захара Дерюгина – Ивана, Алёнки и Егора. Славы, в которых описывается жизнь в Гусищах после освобождения от немецкой оккупации, особенно убедительны своей достоверностью, глубоким осмыслением народной жизни, пониманием народного характера. Петр Проскурин смело идёт на описание сложных состояний

человеческой души, когда невозможно сразу однозначно определить суть происходящей душевной борьбы. Люди, порой сами того не желая, создают настолько запутанные жизненные ситуации, что много требуется, чтобы вернуть жизнь в её нормальные берега.

Захар Дерюгин мог бы жить как все. Мог бы растить детей, председательствовать в колхозе. Так и было поначалу. Но наступает его любовь к красавице Мане, и вся жизнь превращается в муку. Лишь бы в колхозе всё было в порядке, а в личной жизни он сам разберётся. Но так казалось ему на первых порах. Разворачиваются события, а Захар всё глубже запутывается в сетях, уготованных ему жизнью. Переселиться бы к Мане, а как же четверо детей... Чем выше поднимается человек, тем строже оцениваются его действия. И Захар всё острее чувствует сковывающую власть общества. Возможно ли в таком случае сохранить своё собственное «я»? Возможно, отвечает писатель, хотя это сопряжено с серьёзными испытаниями для человеческого характера.

Своеобразным «барометром» для всех действующих лиц романа, становится Великая Отечественная война. **«Немного прошло для Дерюгина дней войны, а чего только не повидал, сотни людей на глазах убиты, искалечены, и сам он, как зверь, за проволоку попал, некстати вспомнился день прощания с родными и близкими, и он усмехнулся тогдашнему своему волнению и горю; бывшее с ним, и Маня, и Ефросинья, и даже свое неблагоприятное председательство казалось теперь мелким, вообще ненужным в жизни. Да и никто теперь не вспомнит и не подумает о своих старых болячках; пришла большая беда и затопила своим разливом житейские мелочи и обиды».**

Таким образом, собственная судьба и судьбы других людей становятся для проскуринского героя, во-первых, выражением человеческой «несвободы», линии жизни, навязанной трагическими событиями войны, во-вторых, предметом моральной оценки.

Война изменила нормы оценок и у Брюханова: **«Когда острие Гитлера уже проникло к самому сердцу, каждый советский человек должен был обратиться к себе, потому что именно в сокровении почти каждого из двух сотен миллионов и заключалась сейчас не только всеобщая беда народов, но и его спасение, – и он, человек, облеченный достаточно большой властью над другими, должен был бесстрастно глянуть правде в глаза и спросить самого себя: «Все ли ты сделал, чтобы этого не случилось? Нет, не все». «Ты умел идти прямо, - должен был добавить еще он, – но ты всегда знал, что чем прямее путь, тем он безжалостнее и жестче».**

Брюханов сразу в полной мере ощутил все значение происходящего. **«Это действительно война, сказал он себе, действительно немцы пришли. Немцы захватили уже Холмск, идет их движение на Москву, боже ты мой, – удивился**

он, самая сердцевина страны, истоки России».

В романе много интересных и глубоких персонажей. Вальцев, Чубарёв, Фома Куделин, Анисимов, первый секретарь обкома Константин Леонтьевич Петров. Петров, размышляя о надвигающейся войне, заключает: **«Что такое абсолютная свобода? Возьмём Великого Инквизитора Достоевского и его понимание свободы. Прав ли он, рассуждая об абсолютной свободе? Нет, не прав, потому что абсолютной свободы в человеческой природе вообще не существует. Свободу даст одно только знание, только оно поможет перешагнуть бездны в самом себе, от которых шарахались и шарахаются раньше и теперь. Любая истина изменчива и текуча во времени, даже самый гениальный человек не может вместить всего. В одном я убеждён: знание теперь открыто народу, и это, возможно, главный итог нашей революции».**

Сокольцев, Пекарев, Козев, Фёдор Макашин – сложные и неповторимые характеры, сколько мужественного и безрассудного совершают они, оставаясь звеном в галерее характеров в романе.

Элементы национальной психологии проступают в своеобразных образах – символах, как бы обрамляющих роман. Таким символом является и образ неизвестной женщины, которая ждет ребенка. Родившийся Егорка унес жизнь матери и стал третьим сыном Ефросиньи. Неизвестная, ушедшая из жизни, словно бы вручает судьбу его живым. В известном смысле символичен и образ Ефросиньи. Ее судьба – это судьба России, перед которой стоит задача необходимости выстоять любой ценой, победить, отстаивать жизнь своих детей.

«Судьба» – сложное, многоплановое произведение о судьбах народа в один из самых драматических периодов нашей истории. Петр Лукич Проскурин талантливо и искренне воспел то, что люди совершили в труде и в бою.

«У каждого человека, у каждого события есть особые рубежи в развитии и становлении; бывает так, что живёт человек в душевном и физическом равновесии, молодо и полновесно себя чувствует, но вот случается даже мелочь порой, в сосуд падает последняя капля, и весь устойчивый, длившийся очень долго порядок нарушается... есть такие переломные этапы и в народных движениях, в войнах и революциях, с той только разницей, что, переступив ещё и ещё один рубеж тяжчайших испытаний и свалив с плеч очередную беду, народ молодеет в новом, необходимом для полнокровного развития порыве, и в нем, хотя ещё и продолжается, до полной завершённости, начатое прежде движение, уже появляется зародыш нового, слегка начинает просвечивать очередной поворот исторической судьбы, и чем жизнеспособнее народ, тем решительнее и быстрее свершаются подобные смены» – так определяет Проскурин замысел своего романа.

Автор утверждал мысль о том, что **«всему началом был народ –**

бесконечный, беспредельный, со своей неистребимой жизнестойкостью и неисчерпаемый, несущий в себе прямую тайну жизни, творящий вечные законы и непонятный».

«Горькие травы»

Произведение Петра Проскурина «Горькие травы» посвящено очень тяжёлому времени – первым послевоенным годам, периоду восстановления народного хозяйства. Действие романа происходит в городе с вымышленным названием Осторецк, а также в деревне Зеленая Поляна, за их описанием встают родные места писателя, время пережитое им: «Напряжение войны, повседневной опасности отпускало, несмотря на немыслимые послевоенные тяготы; несмотря, по сути дела, на постоянный голод, в жизни вольней и вольней пробивалась иная струя; происходящее напоминало весеннее обновление земли» («Порог любви»). С большой силой достоверности автор описывает самоотверженный, тяжелейший труд женщин, которые, будучи сами истощенными, ослабевшими, ради детей, ради их будущего, пашут чуть ли не на себе, а иначе «пошто тогда мужья головы сложили? Пошто все кровью облито, если дети перемрут?» В этой сцене, а также в полном боли рассказе о страшной засухе 1946 года звучат личные воспоминания писателя, подростком пережившего подобное. В «Горьких травах» читаем потрясающее описание послевоенного «горького» хлеба: «на широкой ладони председателя лежал тёмный бесформенный кусок, напоминающий не то влажную тёмную глину, не то сырой навоз... – Мы его едим, такой хлеб. Конский щавель, прошлогодний гнилой картофель да липовая кора. Не понимаете? Ну, кушаем, берём и кушаем».

Вернемся к началу романа. В родное село, разрушенное фашистами, возвращается Степан Лобов. Война сделала его инвалидом: он остался без руки. Возвращается в родной город Осторецк, лежащий в развалинах, и другой герой романа, пока еще неизвестный юноша. У него амнезия, почти полная потеря памяти. Дмитрий Поляков приходит в Зеленую Поляну к своему родственнику – деду Матвею, и здесь, некоторое время спустя, к нему возвращается память.

Жизненные пути героев романа пересекаются, людские переживания становятся предметом глубокого осмысления в произведении и создают свой собственный драматический пафос. Война разбила не только тот мир, в котором прежде существовали люди, она стала для ее участников страшным и неизгладимым опытом. Война вселила в людей не только ужас, не только ненависть к тем, кто был ответствен за этот кошмар. Они вернулись с фронта с пошатнувшимися нравственными и общественными идеалами.

Горечь хлеба, цена его, нелегкий крестьянский труд, не дающий пока желаемых результатов, – вот та цепь понятий, к которой приводит нас смысл

заглавия. Вообще, в произведении довольно часто возникают образы- символы, своеобразные смысловые узлы, к которым стягиваются герои со своими судьбами. Например, символичен костёр, одиноко горящий в ночи в селе Зелёная Поляна, к нему идут и возвращающийся с войны израненный Степан Лобов, и девушки, угнанные в Германию, и племянник деда Матвея Дмитрий Поляков. Этот реальный образ – и очаг жизни, и символ единения народа перед новыми испытаниями.

«Эхо войны» по-разному врывается в душевный мир героев романа «Горькие травы». Само послевоенное время изображено Проскуриным во всей его переломности, сложности. Первая послевоенная весна, трудное лето... Вся страна переживала сложное, мучительно-тревожное состояние.

Итак, спадает то напряжение, оцепенение тревоги, в котором годами жили люди, не замечая в силу этого даже ран, боли. Спадает напряжение – и раны эти у многих резко напомнили о себе. Вдовы, не так остро замечавшие свое одиночество среди общего вдовства и сиротства, особенно резко, утратив надежду, поняли бесповоротность с ними случившегося. Осознали это на фоне возвращения чужих сыновей и матери, не дождавшиеся своих детей. В «Горьких травах» мы видим искреннее, глубокое горе стариков-сирот Дротовых, которые потеряли сына и, чтобы разогнать одиночество, приняли в дом Дмитрия Полякова, поселили его в бывшей комнате сына Володи. Старый Платон Николаевич с грустью говорит однажды Дмитрию: **«Знаешь, Дмитрий, что самое несправедливое в войне? Нет, не дети без отцов, наоборот: отцы без сыновей. Самое жестокое – уйти из жизни, ничего не оставив после себя. Война все перекорежила».**

И вновь встречи, скитания, поиски родственных душ. Сколько женских, девичьих трагедий развернулось именно после войны. А сколько фронтовиков искало родных, поджидая их в опустевших селениях и городах, разыскивая по детдомам. Война разрушила многие родственные связи.

Драматизм и напряженность – общее свойство всех произведений Петра Проскурина. В них отражен сложный, созидающий, героический путь русского народа на протяжении всего трагического XX века. И всё же центральной темой его творчества стала Великая Отечественная война, ее влияние на нравственное самосознание народа, укрепление патриотизма и духовной силы. **«Есть в литературе одна вечная струя, которая то набирает силу, то затихает, то начинает звучать особенно сильно и властно в годы всенародных бедствий, в годы, когда решается жизнь и смерть не какого-нибудь одного человека, а всего народа. Эта струя – героическое народное начало»**, – так считал Пётр Лукич Проскурин.